

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 15, Is. 5, pp. 930–940, 2022
Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 94 (518)

DOI: 10.22162/2619-0990-2022-63-5-930-940

Формирование монгольской интеллигенции во Внутренней Монголии Китая в начале XX в.

Леонид Владимирович Курас¹, Цыден Солбонович Очиров², Базар Догсонович Цыбенков³

¹ Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (д. 6, ул. Сахьяновой, 670047 Улан-Удэ, Российская Федерация)

доктор исторических наук, главный научный сотрудник

 0000-0003-4507-249X. E-mail: kuraslv@yandex.ru

² Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (д. 6, ул. Сахьяновой, 670047 Улан-Удэ, Российская Федерация)

кандидат исторических наук, младший научный сотрудник

 0000-0002-6705-2820. E-mail: tsyden.ochirov@mail.ru

³ Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (д. 6, ул. Сахьяновой, 670047 Улан-Удэ, Российская Федерация)

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник

 0000-0002-0404-7207. E-mail: bazar75@mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2022

© Курас Л. В., Очиров Ц. С., Цыбенков Б. Д., 2022

Аннотация. *Введение.* Одной из малоизученных в российском монголоведении тем является история становления и развития интеллигенции во Внутренней Монголии Китая в XX в. *Цель* исследования — изучить развитие системы образования во Внутренней Монголии, включая районы проживания дауров, в поздний период династии Цин и в период Китайской Республики; определить место и роль Монгольско-тибетской спецшколы в подготовке передовой молодежи Внутренней Монголии. *Материалы.* В написании статьи авторы использовали широкий круг источников, включающий документы из фондов Российского государственного архива социально-политической истории и Центрального архива Федеральной службы безопасности России, сборника документов и мемуаров «Записки бедствий и страданий», материалы справочника «Обзор Морин-Дава-Даурского автономного хошуна» и газеты «Нэймэнгу жибао». В рамках исследования проанализированы также публикации российских и зарубежных историков, в которых затронуты некоторые аспекты развития образования в национальных регионах Китая. *Результаты.* В начале XX в. молодежь Внутренней Монголии получила возможность обучаться в учебных заведениях Китая и других стран; впоследствии революционная молодежь, составившая большую долю монгольской интеллигенции, приняла активное участие

в социально-политических мероприятиях изучаемого периода. *Выводы.* Реформы в системе образования национальных меньшинств, проводимые цинским правительством и в последующем Китайской Республикой, привели к созданию большого количества учебных заведений, в которых могли проходить обучение дети простых аратов Внутренней Монголии. Это стало одним из определяющих факторов возникновения нового общественного слоя во Внутренней Монголии в 1920–1930-е гг. — образованной революционной молодежи, обучавшейся не только в Китае, но и в Японии, Монголии, СССР и сыгравшей большую роль в общемонгольском национально-освободительном движении. Выяснено, что важное место среди созданных в эти годы учебных заведений занимала Монголо-тибетская спецшкола, выпускники которой составили ряды политической элиты Внутренней Монголии в XX в.

Ключевые слова: Внутренняя Монголия, Хулун-Буир, монгольская интеллигенция, национально-освободительное движение, система образования Китая

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-09-00344 «Духовная культура национальных меньшинств Хулун-Буира: письменные источники и современная историография проблемы».

Для цитирования: Курас Л. В., Очиров Ц. С., Цыбенков Б. Д. Формирование монгольской интеллигенции во Внутренней Монголии Китая в начале XX в. // *Oriental Studies*. 2022. Т. 15. № 5. С. 930–940. DOI: 10.22162/2619-0990-2022-63-5-930-940

The Early 20th Century Shaping of the Mongolian Intelligentsia in China's Inner Mongolia

Leonid V. Kuras¹, Tsyden S. Ochirov², Bazar D. Tsybenov³

¹ Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch of the RAS (6, Sakhyanova St., 670047 Ulan-Ude, Russian Federation)

Dr. Sc. (History), Chief Research Associate

 0000-0003-4507-249X. E-mail: kuraslv@yandex.ru

² Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch of the RAS (6, Sakhyanova St., 670047 Ulan-Ude, Russian Federation)

Cand. Sc. (History), Junior Research Associate

 0000-0002-6705-2820. E-mail: tsyden.ochirov@mail.ru

³ Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch of the RAS (6, Sakhyanova St., 670047 Ulan-Ude, Russian Federation)

Cand. Sc. (History), Senior Research Associate

 0000-0002-0404-7207. E-mail: bazar75@mail.ru

© KalmSC RAS, 2022

© Kuras L. V., Ochirov Ts. S., Tsybenov B. D., 2022

Abstract. *Introduction.* The 20th-century shaping and development of the intelligentsia in China's Inner Mongolia remains understudied in Russian Mongolian studies. *Goals.* The study aims at exploring the development of Inner Mongolia's education system, including in Daur-inhabited areas, in the late Qing Dynasty and the Republic of China, at determining the place and role of the Mongolian-Tibetan Special School in training of Inner Mongolia's advanced youth. *Materials and methods.* The article analyzes a wide range of sources, including documents from the Russian State Archive of Sociopolitical History (RGASPI) and Central Archives of the Federal Security Service of Russia (CA FSB). It also examines a number of publications, such as collected documents and memoirs titled 'Notes of Disasters and Sufferings', one reference book on Morin Dawa Daur Autonomous Banner, and the *Neimenggu ribao* (Inner Mongolia Daily) newspaper. Certain attention is paid to works by Russian and foreign historians that touch upon some aspects of education development in ethnic regions of China. *Results.* In the early 20th century, the youth of Inner Mongolia gained opportunities

to study at educational institutions of China and other countries. Subsequently, the revolutionary youth to further constitute a large proportion of the Mongolian intelligentsia took an active part in the sociopolitical events of the examined period. *Conclusions.* The reforms of the Qing and ROC governments in ethnic minorities education system gave rise to a large number of educational institutions to be attended by commoners' children in Inner Mongolia. This proved a crucial factor to have formed a new social stratum in the region throughout the 1920s and 1930s. The latter was shaped by young Mongols to have undergone training not only in China but also in Japan, Mongolia, and the USSR. They played a significant role in the all-Mongolian national liberation movement. The paper asserts important impacts of the Mongolian-Tibetan Special School which had educated political elites of 20th-century Inner Mongolia.

Keywords: Inner Mongolia, Hulunbuir, Mongolian intelligentsia, national liberation movement, Chinese education system

Acknowledgements. The reported study was funded by RFBR, project no. 20-09-00344 'Spiritual Culture of Ethnic Minorities in Hulunbuir: Written Sources and Contemporary Historiography of the Issue'.

For citation: Kuras L. V., Ochirov Ts. S., Tsybenov B. D. The Early 20th Century Shaping of the Mongolian Intelligentsia in China's Inner Mongolia. *Oriental Studies*. 2022; 15(5): 930–940. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2022-63-5-930-940

Введение

В истории любого народа интеллигенция занимает особое положение, определяемое той важной ролью, которую она играет в развитии социума. Ее основным качеством является озабоченность судьбою своего народа, способность нравственно сопереживать ему, готовность посвятить свою жизнь служению идеям национального возрождения. Подлинный интеллигент не просто не равнодушен, он активно действует, чтобы изменить судьбу своего народа. Он чувствует сопричастность и ответственность за все, что происходит в обществе [Боронова 2012: 22]. Данной характеристике соответствовала в определенной степени монгольская интеллигенция Южной Монголии (Внутренняя Монголия) в первой половине XX в.

В период династии Цин в Южной Монголии была установлена военно-административная система управления. Все военно-обязанные монголы были включены в военно-административную систему — нюру. Большую часть Южной Монголии цинское руководство разделило на 6 сеймов: Чжирим, Чжоуда, Чжосот, Силингол, Уланцаб и Ихэчжоу. В каждом сейме были назначены председатель и его заместитель, было создано управление председателя сейма. Другие же аймаки (Чахар, Тумэт и Барга), население

которые сопротивлялось маньчжурским захватчикам, были реорганизованы в знамена внутренних подданных, подчинявшихся не наследственному дзасаку, а назначенным маньчжурским богдыханом дутуну и цзян-цзюню, и находились в ведении ведомства по военным делам [Автономный район... 1980: 9–11].

Начиная со второй половины XIX в. цинские правители постепенно начали проводить во Внешней и Внутренней Монголии «новую» политику, которая характеризовалась отменой ограничений переселения китайцев на этих землях. К тому же во Внутренней Монголии руководство страны в эти годы начало переустройство административной системы управления, призванное ослабить автономию хошунов и аймаков путем включения их территорий в состав провинциальных уездов. Самоуправство цинского двора, произвол местных ставленников и колонизация лучших пастбищ монгольских аратов китайскими переселенцами вызвали большое недовольство со стороны местного населения Внутренней Монголии, что вылилось в форму вооруженной борьбы против маньчжурского гнета: дугуйланское движение, вооруженные восстания в Харчинском и Найманском хошунах Чжоудского сейма, в Чжалайтском хошуне Чжиримского сейма.

К началу XX в. ситуация во Внутренней Монголии была достаточно сложной. На фоне подъема у монголов народно-освободительного движения после Синьхайской революции и объявления независимости Внешней Монголии в 1911 г. новые политические силы во Внутренней Монголии были заинтересованы в создании собственной государственности [Мажинский 2014: 51]. Именно монгольская интеллигенция, являясь наиболее активной и мобильной частью общества, сыграла важную роль в развитии народно-освободительного движения в Южной Монголии. Формирование монгольской интеллигенции началось еще в условиях феодального режима империи Цин. Поколение монгольских интеллигентов в конце XIX – начале XX в. было немногочисленным и составляло малую часть в составе населения, проживавшего на территории современного автономного района Внутренняя Монголия (АРВМ).

Материалы и методы

Источниковую базу работы составляют официальные партийные и государственные документы, справочно-статистические материалы, периодические издания. Официальные партийные и государственные документы представлены постановлениями Центрального комитета Коммунистической партии Китая (далее — ЦК КПК) [Wasu zainan 1999] из сборника документов и мемуаров «Записки бедствий и страданий», в которых сформулирован политический курс Коммунистической партии Китая в отношении национальных окраин в 1920-е гг. Данный тип источников представлен и документами Коминтерна из фонда Российского государственного архива социально-политической истории [РГАСПИ. Ф. 495], в которых имеются обширные сведения о деятельности Коминтерна во Внутренней Монголии. В написании статьи использованы также материалы об учебе даурской передовой молодежи в СССР, Монголии и Японии в 20–30-е гг. XX в., хранящиеся в Центральном архиве Федеральной службы безопасности России [ЦА ФСБ. Д. Р-39318]. Справочно-статистическим источником является справочник «Обзор Морин-Дава-Даурского автономного хошуна» [Moli dawa 1998]. В нем зафиксированы важные сведения о сложив-

шейся ситуации в сфере начального и высшего образования, анализируется развитие массового образования в первой половине XX в. на территории современного даурского автономного хошуна Морин Дава. Периодическая печать представлена материалами региональной газеты Внутренней Монголии «Нэймэнгу жибао» [Zheng Xueliang 2021].

Исследований, посвященных непосредственно проблематике формирования монгольской интеллигенции Внутренней Монголии, недостаточно. К числу основных трудов, связанных с историей региона, следует отнести прежде всего работы М. И. Сладковского и Б. Ширендыба [Автономный район... 1980], С. В. Мажинского [Мажинский 2014] и других, однако главной целью исследований указанных авторов являлось изучение политической истории Внутренней Монголии и ее отдельных аймаков, вопрос формирования монгольской интеллигенции затрагивался ими косвенно.

Работ, где анализируется система образования Китая в рассматриваемый период, не так много. Среди них отсутствуют работы, посвященные исследованию изменений системы образования и развития массового образования во Внутренней Монголии в изучаемый период, за исключением некоторых фрагментарных сведений о государственной политике в области образования на национальных окраинах Китая в работах Ю. О. Каморной [Каморная 2015] и П. А. Лапина [Лапин 2016а; Лапин 2016б].

В данном исследовании авторы применяли общенаучные и конкретно-исторические методы исследования.

Система образования во Внутренней Монголии (конец XIX – начало XX в.)

После подчинения большей части территории Китая в 1644 г. маньчжуры начали восстанавливать и создавать образовательные учреждения по всей стране. Особое внимание уделялось начальному образованию. Цинские общинные школы были платными, хотя к концу XIX в. плата в некоторых регионах была столь незначительна, что «даже бедняки могли послать своих сыновей обучаться в общинной школе» [Tian Mi 2014: 8].

Политика трансформации «варваров» через образование с большим успехом и

размахом применялась цинскими властями на юго-западе Поднебесной и на Тайване, нежели в отношении населения Монголии. Тем не менее для представителей маньчжурской и монгольской элиты в империи все же ввели образование, но оно было прежде всего направлено на сохранение традиционного языка и культуры, а также на подготовку знаменитых к участию в государственных экзаменах [Каморная 2015: 42, 45, 48].

Во второй половине XIX в. Цинская империя после военных столкновений с западными державами оказалась в полукOLONиальной зависимости от них. Неспособность монархии противостоять натиску европейцев показала всю несостоятельность китайской традиционной системы государственного управления в условиях колониальной политики Нового времени и привела к зарождению в 1860–1880-е гг. реформаторского течения «За освоение заморских дел» или «Движение за самоусиление». Большое внимание уделялось реформированию системы образования, с обновлением которой в Пекине связывали успешное заимствование передового мирового опыта и научных знаний, лежавших в основе технологического прогресса европейских государств и их военного усиления. Важнейшей инициативой на этом направлении стало учреждение в 1905 г. в китайской столице Ведомства по делам просвещения [Ляпин 2016а: 5–6].

Развитие системы образования в поздний период династии Цин в значительной степени повлияло на общую ситуацию массового образования среди аратов Внутренней Монголии. Данная политика императорского двора в образовательной сфере предполагала строительство множества школ в монгольских хошунах, создание образовательных учреждений в Пекине и других больших городах Китая с уклоном на монгольскую историю, язык и культуру. С 1902 по 1906 г., в соответствии с реформой образования, утвердилось положение, которое получило название «продвижение родного места». В его основу было положено обучение в начальных классах на родном языке в районах проживания национальных меньшинств. Цинская администрация полагала, что это позволит учащимся установить связь между их родным местом и нацией в целом, что поможет избежать назревания восстаний и революций. Такая политика

была эффективной для Внутренней Монголии, где население по большей части было монгольским [Курас 2016: 177].

В 1907 г. была создана Высшая школа маньчжурской и монгольской письменности, которая была предназначена для выпускников школ из сеймов и хошунов Внутренней Монголии. Следует отметить, что в школу могли быть приняты и ханьцы, имеющие среднее образование и проявляющие интерес к изучению маньчжурского и монгольского языков. В 1909 г. отделом Лифаньбу (Министерство колоний по делам Монголии, Тибета и мусульманских княжеств) было учреждено учебное заведение по изучению монгольского языка и литературы, установлены квоты на 40 мест для абитуриентов из монгольских сеймов (восьмизнаменных). В том же году была создана Школа права и политики для детей из знатного рода, где могли учиться дети монгольских князей, умевшие говорить на китайском.

Во второй половине 1909 г. по наставлению пекинских князей во главе с Няньту и Бодису была сформирована Школа китайского языка. В положении об этой школе говорилось: «Для школы не имеет значения, откуда человек: из Пекина или далекой от центра провинции и какой национальности, все желающие от 18 до 32 лет могут поступить в наше учебное заведение. Приветствуется знание монгольской и маньчжурской письменностей» [Tian Mi 2014: 8]. Из рассмотренного положения стоит отметить, что в приоритете школы находились учащиеся из числа монголов и маньчжуров, при этом в школу могли поступить не только дети аристократов, но и простых аратов.

Среди выше упомянутых учебных заведений стоит выделить две школы: Школа китайского языка и Высшая школа маньчжурской и монгольской письменности. Важной особенностью этих образовательных учреждений, отличающей их от других, являлся контингент учащихся — дети простых скотоводов, дети из неблагополучных семей из разных сеймов и хошунов Монголии. Поэтому они давали возможность всем слоям населения Внутренней Монголии получить образование, научиться читать и писать, выучить счет.

Реформирование образования цинским двором в конце XIX — начале XX в. имело

и негативные последствия. В частности, во Внутренней Монголии у буддийских монастырей отбирались земли и передавались школам, что резонно вызывало недовольство духовенства [Курас 2016: 177].

Развитие начального и среднего школьного образования в последние годы династии Цин можно проследить на примере дауров. С начала XX в. во всех даурских районах, включая Синьцзян, стали функционировать начальные и средние школы, где обучали маньчжурскому, китайскому и монгольскому письму. Наряду с казенными школами действовали и частные школы, которые открывались состоятельными лицами. Получила известность частная начальная школа монгольских хошунов Хулун-Буира, открытая в 1918 г. Го Даофу (Мэрсэ) и Фуминтаем в г. Хайлар. Многие выпускники школ продолжили обучение в высших учебных заведениях Северо-Восточного Китая, Пекина. Некоторые выезжали на учебу в Японию, после 1923 г. — в Монголию и СССР [Цыбенков 2018: 116–117].

Этот момент наглядно можно проследить на примере семьи даурского революционера Фуминтая. Он закончил два класса китайской гимназии в 1916 г. (по всей видимости, в г. Цицикар. — Л. К., Ц. О., Б. Ц.); позже, в 1934 г., закончил курс обучения в Коммунистическом университете трудящихся Востока (далее — КУТВ) в Москве. Его брат Хуалинтай в 1921–1923 гг. проходил обучение в Японии, сестра Саран училась в 1925–1930 гг. в Бурятском педагогическом училище в г. Верхнеудинске, с 1935 г. — в Омском педагогическом институте [Tsybenov 2021: 93].

В целом в сфере культуры и образования дауров наблюдается большая активность, вызванная возможностью получения знаний в разных странах, а также крупных городах Китая. В то же время представители даурской интеллигенции начали переводить отдельные труды прогрессивных китайских мыслителей нового времени с китайского языка на маньчжурскую письменность, адаптированную для даурского языка [Moli dawa 1998: 889].

Дауры, как и другие национальные меньшинства Северо-Востока Китая, активно включились в национально-освободительное движение первой трети XX в. Из их числа вышли известные в монгольском

мире деятели: амбань Шэньфу, Цэндэ-гун, Минбуу; «молодые монголы» в лице Мэрсэ, Фуминтая [Цыбенков 2017: 130], Эрхимбато, Хас-Батора и др.

Даурская революционная молодежь стояла у истоков организации молодежи Хулун-Буира, которая имела следующие названия: Баргинская молодежная организация и Хулун-Буирская студенческая ассоциация. Сведения о дате ее создания расходятся. Существует мнение, что она была создана в 1917 г., во время учебы дауров в Пекине [Zhou Taiping 2010: 3].

По другим данным, организационный съезд хулун-буирской молодежи во главе с Мэрсэ, Фуминтаем, Сайнгэ и Чундэ был созван в январе 1918 г. На нем присутствовали учителя, студенты, учащиеся школ — всего 30 чел. Участники съезда подтвердили создание организации молодежи Хулун-Буира. Ими была определена цель организации — развитие культуры среди монголов и борьба за освобождение монголов от ига Китая. В своей практической деятельности организация должна была опираться на молодежь Хулун-Буира, без деления на социальные группы. Материальную поддержку планировалось получать от местных монгольских феодалов [ЦА ФСБ. Д. Р-39318. Л. 17–18].

В том же, 1918 г., Мэрсэ, Фуминтай и Сулфанга приняли участие в бурят-монгольском съезде, проходившем в г. Верхнеудинске. С этого времени Мэрсэ и Фуминтай активно включились в политическое взаимодействие в треугольнике «Россия – Монголия – Китай», сумели объединить различные политические организации во Внутренней Монголии и совместно с южномонгольским политиком Сэрэндонровом создали в 1925 г. Народно-революционную партию Внутренней Монголии [Zhou Taiping 2010: 3].

Как показывают архивные источники, с этого времени Мэрсэ, Фуминтай и другие представители «молодых монголов», руководствуясь директивами и распоряжениями Коминтерна, активно вели революционную работу в различных районах Внутренней Монголии [РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 152. Д. 120. Л. 61–82]. Они направляли монгольскую молодежь на обучение в Улан-Батор в партийной и военной школах,

некоторые из них отправлялись дальше, на учебу в СССР.

Стоит отметить, что в конце XIX – начале XX в. становление образовательного пространства во Внутренней Монголии определялось геополитическим положением региона, находившегося на пересечении экономических, культурных, социальных связей с Россией. Данное положение региона определяло его образовательное пространство, ориентированное на освоение русской культуры. Особенно это касалось Хулун-Буира, который исторически имел тесные культурные и экономические связи с Россией [Moli dawa 1998: 890].

Внедрение массового образования способствовало социальной, идеологической и культурной консолидации империи, ускоряло и облегчало процесс интеграции неханьских регионов, население которых зачастую имело свой язык, традиции, культуру, а иногда и письменность, в политическую и экономическую систему Китая. Кроме того, политика ассимиляции неханьских народов через систему образования была значительно менее затратной и более эффективной, чем применение военных или иных политических методов [Каморная 2015: 51]. интеграции неханьских регионов в политическую и экономическую систему Китая

Монголо-тибетская спецшкола и ее роль в формировании монгольской интеллигенции

После Синьхайской революции 1911 г. для нового китайского правительства большое значение для укрепления целостности государства имела «национализация» аппарата управления. Суть его политики заключалась в том, что молодые представители этнических меньшинств проходили ускоренное обучение в высших образовательных учреждениях и после привлекались к управлению национальными окраинами страны. Помимо этого, новое правительство ставило задачу сформировать из числа молодых студентов лояльную к новому политическому режиму интеллигенцию. По этой причине в 1913 г. была создана пекинская Монголо-тибетская спецшкола.

Это было первое в истории Китая высшее учебное заведение для национальных меньшинств. В марте 1914 г. спецшкола начала набирать в подготовительную группу

первых учеников из национальных регионов. Во Внутренней Монголии отбор обучающихся производился почти во всех аймаках и хошунах. Уже в 1920-е г. создавались специальные группы из числа монгольской молодежи, которые были старшекурсниками Монголо-тибетской спецшколы. Основной их целью являлось привлечение и набор новых монгольских учеников для прохождения обучения в данной школе. В частности Жун Яо, выпускник философского факультета Монголо-тибетской спецшколы, вспоминал об этом: «В 1923 г. я был председателем студкома школы. В том же году по поручению Северного райкома меня направили домой, в район Тумэт Внутренней Монголии, для поиска и выявления одаренных детей. Отбор способных детей в сельских условиях проходил очень сложно, но все же мне удалось набрать группу из 41 человека — детей, проявляющих особые таланты по разным школьным предметам. В дальнейшем я вместе с ними покинул Тумэт, и мы направились в Пекин. Многие из этих юношей стали известными государственными и политическими деятелями» [Zheng Xueliang 2021: 7].

Данная светская школа в рамках государственной политики Китайской Республики должна была выступить связующим звеном между молодежью из национальной периферии и центром, способствуя сглаживанию противоречий между ними, обеспечивая лояльность по отношению к новому правительству и его политической линии. Согласно статьям 3 и 4 «Устава пекинской Монголо-тибетской спецшколы», в образовательном учреждении должны были обучаться преимущественно выходцы из монгольских регионов: «Школа принимает учеников независимо от национальности, но из-за трудностей логистики отдаленных местностей Северо-Западного Китая школа делает упор на привлечение учеников из Монголии, Тибета и Цинхая. План зачисления в школу на бюджетные места распределяется следующим образом: 50 % мест для монгольских детей, 15 % — для тибетских, 10 % — для цинхайских, 25 % — для остальных (маньжур, ханьцев) [Tian Mi 2014: 8–9]. Привлечение в спецшколу в основном абитуриентов монгольской национальности из Внутренней Монголии объяснялось следующими факторами:

– во-первых, для Нанкинского правительства после событий Синьхайской революции и последовавшей за ней внутривосточной дестабилизации государства остро стал вопрос территориальной целостности страны. В особенности это относилось к национальным окраинам, каковыми являлись территории Монголии, где начиная с конца XIX в. наблюдался подъем национально-освободительного движения монгольского народа. В результате в 1911 г. во Внешней Монголии и в 1912 г. в Хулун-Буири была провозглашена независимость от Китая. К тому же в эти годы Северо-Восточный Китай и Монголия входили в орбиту российского и японского экономического, политического и культурного влияния. На этом фоне для нового руководства Китая пекинская Монголо-тибетская спецшкола являлась одним из важных инструментов «мягкой силы» в отношении монгольской молодежи. Важным субъектом молодежной политики являются молодежные объединения, которые первоначально формируются из числа учащихся высших учебных заведений. Поэтому монгольские студенты Монголо-тибетской спецшколы претендовали на роль ключевого звена в сфере реализации государственной политики и в задачах вовлечения в свои интересы различных групп монгольского общества [Li Shuan 2017: 24];

– во-вторых, к началу XX в. в отличие от Тибета, Синьцзяна и Внешней Монголии население Внутренней Монголии в зависимости от уровня урбанизации в большей степени было подвержено культурной ассимиляции со стороны ханьцев, также местная элита была глубже включена в систему политических и экономических отношений с китайскими властями. В связи с этим Нанкинское правительство осознавало, что формирование слоя интеллигенции во Внутренней Монголии будет проходить гораздо легче и быстрее.

Исторический генезис монгольского студенчества характеризовался следующими важными моментами: оно в среднем происходило из наиболее «китаизированных» районов Внутренней Монголии (Гуйхуа, Чахар, аймаков Чжосот, Чжоуда и Чжирим). Это означало, что большинство монгольских студентов из этих районов хорошо владели китайским языком, поэтому их процесс социокультурной адаптации к услови-

ям крупных городов Китая проходил легко и быстро. Напротив, монгольская молодежь из менее ассимилированных районов, таких как Хулун-Буир, Шилингол, Уланчаб, Ихэцжоу, где сохранялось традиционное кочевое хозяйство, часто сталкивалась с языковым барьером, что сильно затрудняло получение высшего образования [Menggu 2005: 344].

Многие студенты происходили из беднейших слоев монгольского общества. Ярким подтверждением являлся Уланху. Он родился в Левом Знамени Тумэт, недалеко от современного города Хух-Хото, в семье простого скотовода. В детстве Уланху учился в местной частной школе, в 1919 г. поступил в высшую начальную школу в город Гуйхуа, в 1925 г. отправился учиться в пекинскую Монголо-тибетскую спецшколу. В своих воспоминаниях о студенческой жизни Уланху и его сокурсники писали: «С тех пор, как мы приехали учиться в Пекин, нам изредка родители посылали деньги, которых не хватало даже на продукты питания. Нам приходилось экономить на всем, зачастую, когда у нас не было средств даже на еду, мы были вынуждены занимать денег у состоятельных сокурсников. Со временем у многих размер долга становился слишком большим, что приводило к невозможности погашения задолженности...» [Tian Mi 2014: 11]. Из воспоминаний Уланху и его друзей видно, что, несмотря на доступность в эти годы высшего образования для детей из малообеспеченных семей, монгольские студенты во время учебы в больших городах Китая испытывали серьезные финансовые затруднения.

В 1920–1930-е гг. лидеры Коммунистической партии Китая и Гоминьдана осознавали важность формирования новой этнической элиты в Монголии, Тибете и Синьцзяне. Это объяснялось тем, что данные регионы имеют разные культурные, политические и экономические модели поведения; в указанный период революционные процессы в Китае усилили значение и политическое влияние региональных элит [Wasu zainan 1999: 150]. В данном контексте светская школа Пекина являлась и центром воспитания «молодых революционеров». На страницах ежедневной газеты Автономного района Внутренней Монголии (далее — АРВМ) «Нэймэнгу жибао» пишет-

ся: «Монголо-тибетская спецшкола — это колыбель монгольских революционеров... Важная задача просвещения для школы — привить ученикам любовь к Родине, истории и культуре своего народа... Именно здесь выступали с лекциями ведущие интеллектуалы Нового культурного движения Китая Ли Дачжао, Дэн Чжунся, Чжао Шиянь. В соответствии со своими революционными социал-демократическими взглядами они вдохновляли монгольских юношей идеями о борьбе за лучший общественный строй, при котором не будет эксплуатации, угнетения, и все народы Китая станут равноправными гражданами своей свободной родины» [Zheng Xueliang 2021: 7].

Монголо-тибетская спецшкола в течение XX в. занимала ключевое место в воспроизводстве элит — управленческих, культурных. Ее выпускниками являлись ведущие представители политического руководства Внутренней Монголии: Уланху — председатель правительства АРВМ, секретарь комитета Коммунистической партии Китая АРВМ, командующий и политический комиссар военного округа Внутренней Монголии, заместитель секретаря Северо-Китайского бюро Коммунистической партии Китая и вице-премьер КНР; Баянтай — основатель Народно-революционной партии Внутренней Монголии и ее первый председатель; Асган — министр обороны автономного правительства Восточной Монголии и командующий Монгольской автономной армией; Тумурбагана — министр экономики автономного правительства Восточной Монголии; Гуйби — заместитель председателя правительства АРВМ; Заятай — первый посол КНР в МНР, заместитель председателя правительства АРВМ; Цолмон — заместитель начальника отдела пропаганды парткома АРВМ; Гур (Хугэрэг, Кэ Лигэн) — начальник отдела промышленности АРВМ, глава Единого фронта АРВМ [Цогту 2020: 16–20]; и многие другие.

Заключение

Со времени возникновения первых учебных заведений для малых народностей в городах Китая школы «воспитывали» национальные элиты — превращали тех, кто по происхождению, принадлежности относились не только к аристократическим или состоятельным семействам, но и к простым скотоводам, в творцов и носителей культуры своего народа и Китая. Лидером в воспитании национальных элит безусловно являлась пекинская Монголо-тибетская спецшкола. Эти образовательные учреждения в какой-то мере обеспечивали определенный уровень единства и сплоченности монгольской молодежи. Поэтому в первой половине XX в. благодаря преобразованиям цинского двора и в последующем Нанкинского правительства в системе массового образования в больших городах Китая (Пекин, Шанхай, Нанкин, Тяньцзинь) начала формироваться образованная монгольская молодежь в статусе привилегированной социально-демографической группы. Особенно в ранние годы Китайской Республики они имели достаточно высокий статус. Это было связано, во-первых, с общественными преобразованиями и соответствующими изменениями в сфере высшего образования в начале XX в., а во-вторых, с ростом численности учебных организаций и соответственно числа студентов в них, которые в большинстве своем были выходцами из монгольских сеймов. В результате перехода к городской культуре монгольская молодежь становилась более меритократической и амбициозной, и созданные школы начинали играть роль социальных лифтов, которые обеспечивали пополнение национальных элит наиболее талантливыми выходцами из монгольского общества. Тем самым в первой половине XX в. они, превращаясь в реально политически-активную систему, выполняли функции «социального бульдозера» для монгольского народа Внутренней Монголии в борьбе за свою независимость.

Источники

РГАСПИ — Российский государственный архив социально-политической истории.

Sources

Federal Security Service of Russia, Central Archive.

ЦА ФСБ — Центральный архив Федеральной службы безопасности России.

Russian State Archive of Sociopolitical History.

Литература

- Автономный район 1980 — Автономный район Внутренняя Монголия Китайской Народной Республики / под общ. ред. Б. Ширендыба, М. И. Сладковского. М.: Наука, 1980. 157 с.
- Боронова 2012 — Боронова М. М. Бурятская интеллигенция и национальный вопрос // Вестник Бурятского государственного университета. 2012. № S2. С. 22–25.
- Каморная 2015 — Каморная Ю. О. Политика цинских властей в сфере начального образования // Россия и АТР. 2015. № 1 (87). С. 39–57.
- Курас 2016 — Курас Л. В. Внутренняя Монголия в составе империи Цин: власть и общество (XVII – начало XX в.) // Власть. 2016. № 2. С. 173–179.
- Лапин 2016а — Лапин П. А. Ведомство по делам просвещения и организация образования в Китае в поздние годы династии Цин (конец XIX – начало XX века) // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2016. № 1 (35). С. 5–13.
- Лапин 2016б — Лапин П. А. Упразднение системы государственных экзаменов (кэцзюй) в Китае в поздние годы династии Цин: социально-политическое и культурно-образовательное значение // Общество и государство в Китае. 2016. № 1. С. 70–82.
- Мажинский 2014 — Мажинский С. В. Социально-экономическое и политическое развитие Внутренней Монголии в контексте модернизации Китая (1911–1976 гг.): дисс. ... канд. ист. наук. Томск, 2014. 214 с.
- Цогту 2020 — Цогту О. (Акира Оно). Трагедия степи: Внутренняя Монголия под властью Мао Цзэдуна. Свидетельства очевидцев / О. Цогту; пер. на рус. С. Л. Кузьмина; отв. ред.: С. Л. Кузьмин, С. В. Дмитриев. СПб.: ИП А. А. Терентьев, 2020. 334 с.
- Цыбенков 2017 — Цыбенков Б. Д. Национально-освободительное движение в Хулун-Буи-ре в первой трети XX века и визит в регион Панчен-ламы IX в 1931 году // Известия Иркутского государственного университета. Сер. История. 2017. Т. 21. С. 128–135.
- Цыбенков 2018 — Цыбенков Б. Д. Культура и образование дауров в первой половине XX в.

// Известия Иркутского государственного университета. Серия: История. 2018. Т. 25. С. 115–122. DOI: 10.26516/2222-9124.2018.25.115

- Li Shuan 2017 — Li Shuan. Guomin zhengfu minzu jiaoyu duixiang de shensuo (= Политика го-миндановского правительства в области национального образования) // Xibei minzu daxue xuebao (= Вестник университета этнических исследований Северо-запада Китая). 2017. No. 6. Pp. 23–30.
- Menggu 2005 — Menggu shi yanjiu. Di 8 ji / Qimude Daoerji zhubian (= Исследование истории Монголии. Сборник 8 / гл. ред. Шэмэд-Доржо). Huhehaote: Neimenggu renmin chubanshe, 2005. 420 p.
- Moli dawa 1998 — Moli dawa dawoer zu zizhi qi zhi (= Обзор даурского автономного хошуна Морин-Дава). Huhehaote: Neimenggu renmin chubanshe, 1998. 1149 p.
- Tian Mi 2014 — Tian Mi. «Menggu qiannian» yu neimenggu zizhi yundong (= «Монгольская молодежь» и движение за автономию Внутренней Монголии) // Teshibizhun. 2014. No. 5. Pp. 4–21.
- Tsybenov 2021 — Tsybenov B. The Case File of Aula Samdin Fumingtai: A Historical and Biographical Aspect // Studia Orientalia Slovaca. 2021. Vol. 20. № 1. Pp. 85–112.
- Zheng Xueliang 2021 — Zheng Xueliang. Meng zang xuexiao: Neimenggu geming de yaolan (= Монголо-тибетская спецшкола — это колыбель монгольских революционеров) // Neimenggu ribao (= ежедневная газета Внутренней Монголии). 2021 nian, 02 yue, 8 ri (= 8 февраля 2021 г.). P. 7.
- Zhou Taiping 2010 — Zhou Taiping. 1920 niandai de Gou Daofu ji Hulunbeier qinhnandang baodong shitan (= Бунт молодежной партии Хулун-Буира под предводительством Гоу Даофу в 1920-е г.) // Daban daxue Zhongguo wenhua luntan. Taolun wenjian (= Осаковский университет: культурный форум о Китае). 2010. No. 4. Pp. 1–10.
- Wasu zainan 1999 — Wasu zainan shilu / Alatan Delihai zhubian (= Записки о бедствиях и страданиях / отв. ред. Алатан Дэлихай). Huhehaote: Yuanfang chubanshe, 1999. 393 p.

References

- Altan Delhei [Alateng Delihai] (ed.). Notes on Disasters and Sufferings. Hohhot: Yuanfang, 1999. 393 p. (In Chin.)
- Boronova M. M. The Buryat intelligency and the ethnic issue. *Buryat State University Bulletin*. 2012. No. B. Pp. 22–25. (In Russ.)

- Chimid Dotji [Qimude Daoerji] (ed.) Mongolian History Research. Vol. 8. Hohhot: Inner Mongolia People's Publ. House, 2005. 420 p. (In Chin.)
- Kamornaya Yu. O. Policy of Qing period's authorities in the field of primary education. *Russia and the Pacific*. 2015. No. 1 (87). Pp. 39–57. (In Russ.)

- Kuras L. V. Inner Mongolia as part of the Qing Empire: Power and society (the 18th – the beginning of the 20th century). *Vlast'*. 2016. No. 2. Pp. 173–179. (In Russ.)
- Lapin P. A. Abolition of the Chinese civil service examination system in the late Qing: Social, political, cultural and educational implication. *Society and State in China*. 2016. No. 1. Pp. 70–82. (In Russ.)
- Lapin P. A. Education Department and organization of education in China in the late Qing Dynasty (Late XIXth – beginning of XXth century). *Humanities Research in the Russian Far East*. 2016. No. 1 (35). Pp. 5–13. (In Russ.)
- Li Shuan. Kuomintang Government: Ethnic education policy reviewed. *Journal of Northwest University for Nationalities*. 2017. No. 6. Pp. 23–30. (In Chin.)
- Mazhinsky S. V. Socioeconomic and Political Development of Inner Mongolia in the Context of China's Modernization, 1911–1976. Cand. Sc. (history) thesis. Tomsk, 2014. 214 p. (In Russ.)
- Morin Dawa Daur Autonomous Banner: A Review. Hohhot: Inner Mongolia People's Publ. House, 1998. 1149 p. (In Chin.)
- Shirendyb B., Sladkovsky M. I. (eds.) Inner Mongolia Autonomous Region of the PRC. Moscow: Nauka, 1980. 157 p. (In Russ.)
- Tian Mi. 'Mongolian Youth' and movement for Inner Mongolia's autonomy. *Teshibizhun*. 2014. No. 5. Pp. 4–21. (In Chin.)
- Tsogtu O. (Akira Ono) The Tragedy of Steppe: Inner Mongoliya under the Rule of Mao Zedong. Eyewitness Accounts. S. Kuzmin (transl.); S. Kuzmin, S. Dmitriev (eds.). St. Petersburg: A. Terentyev, 2020. 334 p. (In Russ.)
- Tsybenov B. D. Culture and education of the Daur people in the first half XX century. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series «History»*. 2018. Vol. 25. Pp. 115–122. DOI: 10.26516/2222-9124.2018.25.115 (In Russ.)
- Tsybenov B. D. The national liberation movement in Hulun-Buir in the first third of the XX century and the visit to the region of the Panchen Lama IX in 1931. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series «History»*. 2017. Vol. 21. Pp. 128–135. (In Russ.)
- Tsybenov B. The case file of Aula Samdin (Fumingtai): A historical and biographical aspect. *Studia Orientalia Slovaca*. 2021. Vol. 20. No. 1. Pp. 85–112. (In Eng.)
- Zheng Xueliang. Mongolian and Tibetan schools: The cradle of the Inner Mongolian revolution. *Inner Mongolia Daily*. 2021, February 8. P. 7. (In Chin.)
- Zhou Taiping. Guo Daofu and Hulunbuir Youth Party riots in the 1920s. *Osaka University Forum on China*. 2010. No. 4. Pp. 1–10. (In Chin.)

